

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
муниципального образования Северский район
«Межпоселенческая библиотека»

**Промчусь по жизни не
кометой**

(к 90-летию со дня рождения
Ю. В. Друниной)

Северская, 2014

ББК 39.6д

Промчусь по жизни не кометой: к 90-летию со дня рождения Ю. В. Друниной: библиографическое пособие/Муниципальное бюджетное учреждение культуры муниципального образования Северский район «Межпоселенческая библиотека»; отдел обслуживания читальный зал; [сост. С. Т. Мощанова]. – ст. Северская, 2014. – 7 с.

Издание посвящено Друниной Юлии Владимировне, русской советской поэтессе
Предназначено в помощь библиотекарям, преподавателям и учащимся, студентам.

ББК 39.6д

Муниципальное бюджетное учреждение культуры муниципального образования Северский район «Межпоселенческая библиотека», 2014 г.

Составитель: Мощанова С.Т.

Компьютерная верстка: Кузнецова И. И.

От составителя

Известную русскую поэтессу Юлию Друнину любят и помнят читатели и сегодня. На протяжении полувека она создавала яркие пронизанные теплом и нежностью стихи, старалась поддержать, вселить веру в человека своей жизнеутверждающей позицией.

Стихи Юлии Друниной ошеломляют искренностью, добротой, простотой и вместе с тем удивляют целостностью осмысления своего времени и своего места в нем. Ее стихам чужда праздность, пронизаны жизнью во всех ее проявлениях.

Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне... - написала Друнина в этой беспощадно правдивой формуле скрыта не только политическая страсть поэта, но и опыт солдата.

Данное издание подготовлено с целью знакомства с жизнью и творчеством Юлии Друниной, с ее лучшими стихами и чтобы юные ребята и девчата прониклись «романтикой» ее творчества, что «романтика» войны для молодежи тех лет оборачивалась с первых же дней суровостью повседневного фронтового быта, ежечасным соседством со смертью, не щадившим ни отцов, ни детей.

Не хочу идеализировать ее, делать из нее икону, не хочу ни обелять, ни очернять – хочу рассказать о том, какой она была.

Н. Старшинов.

Жила-была девочка. В Москве, в учительской семье, в нормальной для тех лет коммунальной квартире. Мать Юлии родилась в Варшаве. Кроме русского она владела польским, немецким. Человек она была непоследовательный, сумбурный, отношения у них с Юлей были крайне неровными. А отца Юля обожала. Он для нее был образцом справедливости, разума, порядочности. Он был директором школы, преподавал историю.

В 1981 году Юля поступила в школу. Московская школьница, выросла в интеллигентной учительской семье, но в 1942 году из десятого класса, отринув все уговоры (слезы родителей) ушла добровольцем на фронт. Это было самое драматичное время, зачислили ее в беспокойный род войск – пехоту. Она получила два тяжелых ранения, но после санбатов эта тоненькая девочка вновь ушла на фронт.

*Школьным вечером,
Хмурым летом,
Бросив книги и карандаш,
Встала девочка с парты этой
И шагнула в сырой блиндаж*

(«В школе»)

Удивительно, что в стихах Друниной нет никакого театрального драматизма. Только и вырвется у нее однажды в известном стихотворении памяти Героя

Советского Союза
Зинаиды Семеновой:
«Знаешь Зинка, я против
грусти, но сегодня она не в
счет...»

Не случайно, когда снимался фильм «А зори здесь тихие», молодые актрисы, чтобы почувствовать камертон искренности, правдивости и чтобы достоверней войти в образ своих героинь, - девчонок-солдат, читали на глазах военные стихи

Друниной. С ее строк можно с фотографической точностью узнать, какая мера напряженности, страдания и ужаса выпала на долю наших солдат, матерей, детей; какой страшной беде они заглянули в глаза:

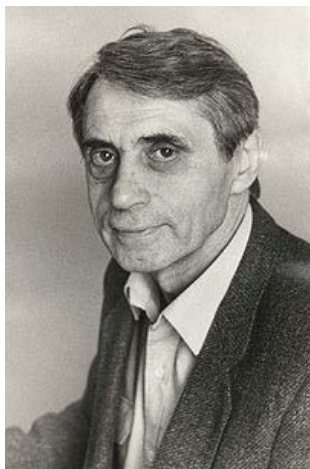
*Целовались,
Плакали и пели
Шли в штыки.
И прямо на бегу
Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.*

А достоверность этих стихов еще и в том, что Юлия Друнина была награждена ни много, ни мало орденом «Красной звезды» и медалью за Отвагу». Фронтовики знают, каков вес этих двух наград, не каждый мужчина удостоивался такого признания ратных заслуг. И лишь после второго ранения, в конце 1944 года, Друнину окончательно мобилизовали. Хотя демобилизованной из солдатской юности, из «роковых сороковых» она никогда себя не считала. Как невозможно уйти в запас из личной судьбы:

*Я порою себя ощущая связной
Между теми, кто жив
И кто обнят войной...
...Я – связная.
Бреду в партизанском лесу,
От живых
Донесенье погибшим несу:
«Нет, ничто не забыто,
Нет, никто не забыт,
Даже тот,
Кто в безвестной могиле лежит
(«Я порою себя ощущая связной...»)*

Друнина действительно не голословно олицетворяет собой эту связь. При ней никто не осмеливался безнаказанно бросить тень на священную память о прошлом. Всякая подобная попытка пресекалась ею яростно и мгновенно.

В 1944 году Юлия поступает в Литературный институт имени А. М. Горького и там встречает своего будущего мужа Николая Старшинова. Она, только что демобилизованный батальонный санинструктор, ходила в солдатских кирзовых сапогах, в поношенной

гимнастерке и шинели. Ничего другого у нее не было.

В 1948 году Юлия писала:

*Возратившись с фронта в сорок пятом,
Я стеснялась стоптанных сапог
И своей шинели перемятой,
Пропыленной пылью всех дорог.*

На втором курсе у них родилась дочь Лена. Ютились в маленькой комнатке, в общей квартире, жили сверхбедно, впроголодь. Приходилось продавать одну карточку, чтобы выкупить продукты на остальные, хотя и на них получали не очень густо. Дочка, тяжело переболев в первые месяцы, нормально росла, отличаясь отменным аппетитом. Случалось, прибегала на кухню, если там находилась плошка с варевом для соседской кошки, мгновенно расправлялась с ним.

Читала Юля много, но бессистемно, к занятиям относилась с большой прохладой, хотя суть многих лекций схватывала на ходу.

В быту Юля была, как впрочем, и многие поэтессы довольно неорганизованной. Хозяйством заниматься не любила, хотя могла очень неплохо приготовить обед.

По редакциям не ходила, даже не знала, где многие из них находятся и кто в них заведует поэзией. Чаще всего ее стихи относили студенты.

А между тем ее фронтовые стихи, прочитанные на литературном объединении при издательстве «Молодая гвардия», появились в журнале «Знамя», произвели сильное впечатление. Все знали ее «Зинку», постоянно цитировались ее знаменитые строки:

*Я только раз видала рукопашный,
Раз – наяву. И стони раз - во сне...*

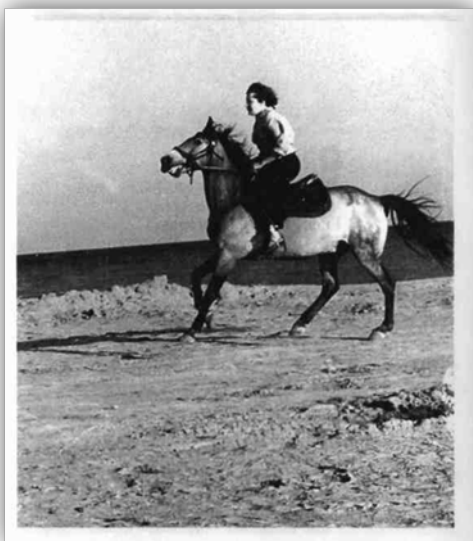
Очень высокую оценку получили стихи Юлии на Первом Всесоюзном совещании молодых писателей в 1947 году. Не только его участники, но и руководители семинаров отмечали прочувзованность ее лирики, точность, лаконичность, умение афористично выразить мысль. Перечитывая ее стихи сегодня, особенно военные, полвека спустя после их написания, видишь, что добрый десяток стихов выдержал испытание временем – они по-прежнему волнуют, запоминаются.

Это в первую очередь – «качается рожь несжатая», «Я только раз видала рукопашный», «Целовались, плакали и пели», «Штрафной батальон», «Не знаю где я нежности училась». Они украсят любую военную антологию. Их можно отнести к высшим достижениям нашей военной поэзии.

А стихи о любви, о природе, о дочери – лиричны, конкретны, любимы читателями.

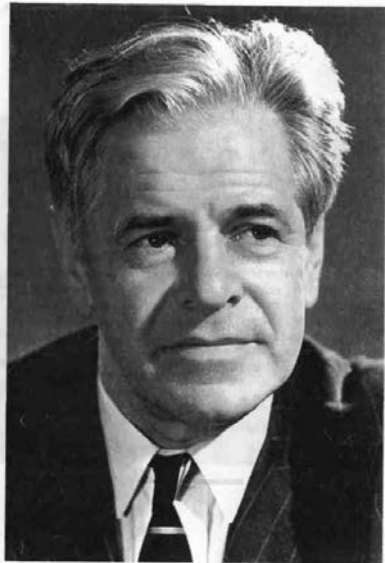
Среди поэтов
фронтового
поколения Юля
была едва ли не
самым
неисправимым
романтиком с
первых шагов
своей сознательной
жизни и до
последних своих
дней. Она обожала
романтические
стихи о
гражданской войне
и песни о ней «Каховиц», «Орленка», «Тачанку».

*Видишь, облако клубится,
Кони мчатся впереди?*

Юлия Друнина очень любила верховую езду и приобщила к этому и свою дочь. Любила путешествовать, море, горы.

Вторым мужем Друниной был Алексей Каплер. Он был старше ее на двадцать лет, за его плечами к моменту их встречи не только популярные в ту пору кинофильмы, но и десять лет воркутинских лагерей как расплата за девчоночью влюбленность в него дочери «отца всех народов» Светланы Сталиной. Алексей Каплер ушел из жизни в 1979 году после продолжительной и тяжелой болезни. Но не ушла из жизни неподвластная плену Его любовь к Друниной. Осталась в жизни и незатихающая Ее любовь к Нему.

*Ты- рядом, и все прекрасно:
И дождь, и холодный ветер.
Спасибо тебе, мой ясный,
За то, что ты есть на свете.
Спасибо за эти губы,
Спасибо за руки эти.
Спасибо тебе, мой любимый,
За то, что ты есть на свете.*

(«Ты рядом»)

Судьба поэта всегда драматична - где бы и когда бы он ни родился. Дорога поэта нередко перерастает в дорогу на Голгофу. А извечная незащищенность художника перед вздыбленным глобальным потрясением общества? А болезненная переоценка тех ценностей, с которыми и

подчас ради которых была прожита жизнь? Когда в прессе и обществе начались шумные и агрессивные в своей озлобленности, словно кем-то изощренно спланированные, нападки на нашу армию. Она была народным депутатом СССР членом Верховного Совета, она пыталась уже государственным авторитетом остановить разрушение и уничтожение Вооруженных Сил, тех самых, которым были посвящены стихи:

*Я люблю тебя, Армия –
Юность моя!
Мы – солдаты запаса,
Твои сыновья
Позабуду ли, как
В сорок первом году
Приколола ты мне
На пилотку звезду?*

(«Я люблю тебя, Армия»)

Увы, теперь ее романтизм натолкнулся и вскоре разбился о далеко просчитанный циничный напор внутреннего предательства. Что стало для нее самой большой драмой, быть может, за всю ее жизнь.

Друнина первая во всеуслышание назвала позорное имя еще одной беды, еще одного «победного» достижения «демократических завоеваний», сытых либералов, беды, также связанной с отношением к армии, к ее недавней гордости и славе:

*Ветераны в подземных
Дрожат переходах
Рядом старый костыль
И стыдливая кепка.
Им страна подарила
«Заслуженный отдых»*

*А себя пригвоздила
К Бесчестию крепко...*

(«Заслуженный отдых»)

Для нее это оказалось страшным шоком, крушением целого мироздания, под обломками которого оказались погребенными идеалы всего поколения (чего не могли сделать даже фашисты).

Друнина напишет еще одно безмерно горькое стихотворение о стариках – «В благотворительной столовой». Невозможно забыть эту картину, описывающую «щедрость» новых властей к нищим старикам:

*Слезинки падают
В тарелку супа,
И ложку поднесешь ко рту
Не вдруг.
Сегодня мы
Голодными не ляжем
Похоже, что и завтра...
Дай-то Бог!*

Не хочется говорить громких слов, но после таких стихов поэт становится поистине народным.

Она была любима и обожаема в самых разнообразных читательских аудиториях.

Женщины любили поэзию Юлии Друниной за то, что в ее лирических стихах нежность и чистота не были безвольными, умели за себя постоять. Кажется именно в ней сбывались пророческие слова Федора Достоевского – «Красота спасет мир»: мир от войны на земле,

мир в Отечестве, мир в семье, в доме.

Юлия Друнина настоящим мастером стиха, она была незаурядной личностью и не могла пойти на компромисс с обстоятельствами, которые были неприемлемы для ее натуры и сильнее ее. И смириться с ними она не могла. В последнее время у Юли было состояние постоянной неудовлетворенности если не всем, то многим, что происходило в стране.

*Как летит под откос Россия,
Не могу, не хочу смотреть...*

(«Судный час»)

Она болезненно переживала распад СССР. Встретив восторженно события 19-21 августа, она бросилась защищать Белый дом.

Вот ее истинный «личный тыл», ее нетерпимая рана. И теперь уже Смерть становилась на самом деле ее единственным реальным «союзником».

Она уходила с «поля боя» где чувствовала себя одинокой в окружении предательства.

Говорят, что причиной добровольного ухода из жизни было одиночество Друниной.

Однако это не вся правда. В посмертной записке она скажет:

«Почему ухожу? По-моему, оставаться в этом ужасном, передравшемся, созданном для дельцов с железными локтями мире, такому несовершенному существу, как я, можно только имея крепкий личный тыл...».

Она уходила с «поля боя», где чувствовала себя одинокой в окружении представительства, но ведь предательство никогда не могло находиться с нею рядом, оно обходило ее за версту, но когда рухнула ее страна, когда были преданы ее идеалы, за которые отдавала жизнь ее юность, - она перестала чувствовать себя «связной». Связь времен и даже эпох распалась. Все было не просто забыто, а бессовестно, грубо и цинично брошено на поругание и осмеяние.

Последние ее стихи, написанные незадолго до самоубийства, начинались словами: *«Безумно страшно за Россию...»*.